

Архипова Нина Геннадьевна

ГОВОРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ – СЕМЕЙСКИХ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: К ВОПРОСУ О НЕОДНОРОДНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА

В статье рассматриваются некоторые особенности словарного состава говоров старообрядцев (семейских) Амурской области, обусловленные рядом факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера, главным из которых является степень близости взаимодействующих диалектных систем. Выделяются несколько пластов лексики, различной по происхождению: общеславянская, общесибирская, заимствованная и локальная, характерная преимущественно говорам семейских. Основное внимание автор акцентирует на диалектных различиях в области лексики в старообрядческих говорах разных территорий Амурской области.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 30-33. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М.: Наука, 2007. 520 с.
2. Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 232 с.
3. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука в конце XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144-238.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Наука, 1970. 294 с.
5. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. 272 с.
6. Михайлов Н. Н. Теория художественного текста. М.: Академия, 2006. 224 с.
7. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.
8. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
9. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006. 320 с.
10. Руднев В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1997. 384 с.
11. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
12. Степанов Г. В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) // Контекст-1983: литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1984. С. 20-37.
13. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Наука, 2003. 696 с.
15. Федотова О. С. Проблема диалогичности художественного прозаического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. I. С. 165-168.
16. Филиппов К. А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 331 с.
17. Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

FACTOR OF RECIPIENT AS LITERARY TEXT CATEGORY

Anisova Anna Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Far Eastern Federal University
anisann@yandex.ru

The article is devoted to such important direction of modern linguistic researches as a text. In particular, the phenomenon of a recipient is considered as a separate textual category. The prerequisites (address of linguistics to the anthropocentric paradigm of scientific knowledge and the formation of a number of new directions in the study of language) that condition the possibility of such selection are revealed. Particular attention is paid to the role of this category in a literary text.

Key words and phrases: linguistics of text; literary text; textual categories; recipient.

УДК 811.161.1'28

Филологические науки

В статье рассматриваются некоторые особенности словарного состава говоров старообрядцев (семейских) Амурской области, обусловленные рядом факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера, главным из которых является степень близости взаимодействующих диалектных систем. Выделяются несколько пластов лексики, различной по происхождению: общеславянская, общесибирская, заимствованная и локальная, характерная преимущественно говорам семейских. Основное внимание автор акцентирует на диалектных различиях в области лексики в старообрядческих говорах разных территорий Амурской области.

Ключевые слова и фразы: старообрядцы; семейские; переселенческие говоры; лексика; синонимы; гетерогенность лексического состава.

Архипова Нина Геннадьевна, к. филол. н.
Амурский государственный университет
charli71@mail.ru

**ГОВОРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ – СЕМЕЙСКИХ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ВОПРОСУ О НЕОДНОРОДНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА[©]**

Старообрядцы Амурской области имеют сложную историко-этническую судьбу. Их переселение на Дальний Восток началось в 60-е гг. XIX в. До этого они проживали на территории Восточной Сибири, в Забайкалье и на Алтае, куда в 60-е гг. XVIII в. были выселены по указам Екатерины II во время второй «раскольничьей выгонки» из районов Ветки (Могилевская губерния) и Стародубья (северная часть Черниговской губернии), а также из других территорий Российской империи. До «ветковского» периода старообрядцы проживали в Московской губернии, охватывающей тогда всю центральную Россию, Новгородской и

Белгородской губерниях (в последнюю входили не только Белгород и Курск, но и Орел, и Брянск), Смоленской, Воронежской, Нижегородской, Архангельской и др. губерниях [6, с. 12-25]. Таким образом, изначально старообрядческие говоры не были однородны: среди них выделялись как говоры с южнорусской основой, черты которых были близки, а иногда и тождественны говорам украинского и белорусского языков, так и говоры с севернорусской основой и среднерусские.

В результате неоднократных перемещений старообрядцев на территории Европы, в Сибири, Забайкалье, на Дальнем Востоке их говоры испытали белорусско-польское, украинское, бурятское воздействие, а также на их формирование оказали влияние русские старожильческие говоры Сибири, имеющие преимущественно севернорусскую основу.

А. М. Селищев отмечал, что «ответить на вопрос, с какими русскими говорами семейщина составляла одно языковое целое, затруднительно вследствие многих диалектных наслоений. Легче определить ту область, где некоторое время жили предки семейских до переселения в Сибирь. Это северная часть Черниговской губернии (Стародубье) или соседний край Могилевской губернии (Ветка). На говоры старообрядцев Ветки и Стародубья воздействовали говоры тамошних поселенцев – носителей белорусского наречия, смешанного с малорусским и, слабее, – с южно-великорусским» [9, с. 25-40].

Во время диалектологических экспедиций 2003-2010 гг. было обследовано более десяти амурских старообрядческих сел: Грибовка, Заган, Желтоярово, Новоандреевка, Ключи, Никольское и др. Анализ лексического материала выявил значительное единство словарного состава изучаемых говоров с некоторыми различиями между говорами сел Свободненского, Архаринского и Белогорского районов. Различия объясняются тем, что семейские села в Свободненском и Архаринском районах не были однородны в диалектном отношении. С одной стороны, в одном селе Свободненского района (например, в Загане и Желтоярово) изначально проживали представители разных старообрядческих толков и согласий (поморцы, нырки, самокрестцы, австрийцы и др.), уже к 20-м гг. XX в. осознавшие себя единой старообрядческой (семейской) общностью. Следовательно, говоры таких сел отличались более сильным диалектным варьированием от говоров, сформировавшихся на относительно единой диалектной основе. С другой стороны, село Грибовка Архаринского района одновременно заселялось представителями разных восточнославянских этносов: белорусами, украинцами и русскими, среди последних были и старообрядцы из Забайкалья. Нередки были смешанные браки. В говорах семейских, проживающих в этих селах, отмечены многочисленные заимствования из белорусского и украинского языков, не зафиксированные в говорах других старообрядческих сел.

Жители сел Белогорского района, помимо как «семейскими», именуют себя «кержаками», по словам информантов, «выходцами с реки Кержа» (*река Керженец – Н. А.*). Часть бежавших оттуда старообрядцев оказалась в Сибири, где проживала на территориях Тюменской, Омской, Томской областей, в Забайкалье. В литературе указывается, что кержаки – носители культуры севернорусского и среднерусского типа (см. работы В. Богданова, Ф. Болоневы, Т. Юмсуновой). По рассказам старожилов сел Белогорского района, старообрядцы насильственно были переселены в Забайкалье (в с. Десятниково Тарбагатайского района) из Новгородской губернии, а затем в 90-е гг. XIX в. они прибыли в Приамурье и основали села Ключи и Новоандреевку. Говоры этих территорий до сих пор отличаются относительной однородностью и практически не имеют заимствований из других восточнославянских языков, несмотря на то, что в 60-е гг. XX в. в эти села по переселению прибыло шесть украинских семей.

Таким образом, выделение диалектных групп в говорах семейских имеет исторические основания. Это и миграции старообрядцев в начале XVIII в. из северных губерний России, и переселение во время второй «раскольничьей выгонки» из Ветки и Стародубья в 1766-1767 гг. Одни из них осели в Западной Сибири и Забайкалье и получили названия «кержаки» и «семейские»; другие («поляки») были размещены на Алтае. В Амурскую область переселялись и семейские, и кержаки, и поляки. В связи со сложностью исторических судеб старообрядцев Амурской области выявление материнской основы их говоров вызывает определенные трудности и не всегда может быть осуществлено.

В структуре анализируемых диалектных систем условно можно выделить несколько пластов лексики, различной по происхождению: общеславянскую, общесибирскую (усвоенную семейскими в Забайкалье от старожилого русского населения), заимствованную и локальную, характерную преимущественно говорам семейских.

Обследование говоров семейских по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [7] показало повсеместное распространение слов *уса́дьба* «участок земли, на котором находятся дом с хозяйственными постройками»; *мо́лотило* «орудие для ручной молоты»; *жníво* «сжатое поле»; *погóда* «плохая ветреная погода, ненастье»; *вёдро* «солнечная ясная погода»; *голосítь* «причитывать над покойником, плакать»; *голбéц* «полочка за печкой для сушки лука, хранения кухонной утвари»; *за́падня* «крышка, закрывающая ход в подполье»; *амба́р* «постройка для зерна»; *косо́вьё* «деревянная часть косы»; *мураши́* «муравьи»; *поро́з* «нехолощенный кабан, бык» и др. В исследуемых говорах севернорусская лексика особенно ярко проявляется в двучленной оппозиции «севернорусское» – «южнорусское»: *изба́* – «жилой дом из одной комнаты (с русской печью)»; *квашня́* – «дежа» «деревянная посуда, в которой замешивают тесто»; *кринка* – «макитра» «узкий глиняный сосуд с широким горлом»; *сковоро́дник* – «чапелá» «приспособление, которым держат сковороду»; *ухва́т* – «рогáч» «приспособление, которым вынимают чугуны из печи» и др. [3; 7]. В говорах семейских Свободненского и Архаринского районов функционируют оба члена таких оппозиций, в селах Белогорского района зафиксированы только первые компоненты.

Лексическая система говоров свободненских и архаринских старообрядческих сел включает многие слова, распространенные преимущественно на территории южнорусских материнских говоров: *хма́рно*

пасмурно'; *оми́шник/ови́шник* 'помещение для зимовки пчел'; *ла́тка* 'заплата'; *ва́га, ва́жить* 'вес, взвешивать'; *руши́к* 'полотенце' и др. [3].

Диалектные различия между исследуемыми говорами носят собственно лексический и семантический характер. Например, в с. Заган название колыбели, которая подвешивалась к потолку, – это преимущественно *лю́лька* наряду с *зы́бкой* («У нас люлька висела в хате» [12, с. 43], «В избе зыбки качались» [13, с. 34]). В с. Новоандреевка – только *зы́бка* («Позыбаешь – pozybaesh, потом зыбку оцепом держишь» [14, с. 75]). Для обозначения пасмурной погоды в говоре с. Заган активно функционирует лексема *хма́ра* (*хма́рно, хма́рить*) («Хмара будить – с вечера всю ноти парить» [12, с. 9]). В селах Новоандреевка и Ключи для названия подобного состояния природы употребляется лексема *моро́к* (*моро́шно*) («Морок будет, морошно сегодня» [15, с. 4]; «Нынчи лето-то не было – все морок да морок» [Там же, с. 5]). Так, *ти́на* в говоре с. Заган – это 'стебли огурцов, моркови, редиса'; в с. Новоандреевка – 'ботва картофеля' [3]. В с. Заган постройку для зимовки пчел называют *ови́шник/оми́шник*, в с. Новоандреевка в этом значении функционирует лексема *ста́йка*, а *оми́шник* – в значении 'постройка для зимовки домашних животных (обычно овец)' [Там же]. В этом же селе *мяки́на* – 'стебли огурцов; шелуха от обмолачивания зерна; ботва картофеля'. В с. Заган ботву картофеля называют *бульбе́шником* [Там же]. Здесь же зафиксированы многочисленные пары и ряды слов, разнородных по происхождению: *пря́сла* – *жерди́на* 'звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба до другого', *заплот* – *забо́р* 'плотный забор из бревен, толстых жердей или бревен', *пострёл* – *ургу́ль* 'растение подснежник', *плетёнь* – *городьба́* 'изгородь', *муто́ка* – *весёлка* 'посуда для замешивания теста', *шептунь* – *ичиги* 'род кожаной без каблуков мужской и женской обуви без каблуков, на мягкой подошве', *заскрёбыш* – *отхон* 'последний ребенок в семье', *за́яц* – *куржа́к* 'иней', *городьба́* – *поско́тина* 'огороженное место для выпаса скота', *кошенёна* – *поско́тина* 'скошенный луг, выкошенный участок', *ломоть* – *лусточка* – *луста́* 'ломоть хлеба', *та́рки* – *ша́ньги* 'род дрожжевой выпечки с начинкой', *назьмо́* – *назём* 'навоз', *несу́шка* – *клохту́ха* 'кураца-наседка' и др. [3; 9].

Известно, что лексика – наиболее проницаемый и подверженный интерференции языковой уровень, она отражает процессы формирования говора. По лексическому составу можно выявить следы междиалектного и межъязыкового контактирования говоров в прошлом. «Процессы соприкосновения различных культур находят отражение, прежде всего, в лексических заимствованиях. Взаимодействие словарных составов языков приводит к лексической гетерогенности, под которой следует понимать формальную неоднородность вокабуляра языка. Прежде всего, в качестве примера лексической гетерогенности может послужить одновременное параллельное сосуществование в языке исконных лексем и заимствований, обозначающих одни и те же референты» [17, с. 214]. «Появление подобных заимствований при одновременном сосуществовании исконных слов свидетельствует о лингвотолерантности и способствует лексической гетерогенности» [Там же, с. 213].

Из большого числа тематических групп слов в говорах семейских Амурской области обращает на себя внимание лексика, образованная на основе заимствований, семантика которых отражает понятия, связанные с животноводством. Это названия домашних животных по актуальным признакам, продуктов питания из мяса и молока животных, предметов из их шкур. Также к лексике, образованной на основе заимствований, относятся названия некоторых растений, болезней и болезненных состояний. Главным образом это лексика, образованная на основе заимствований из бурятского языка. Активное контактирование семейских с бурятами в Забайкалье объясняет причины таких заимствований. В говорах семейских отмечается фонетическая, морфологическая и словообразовательная трансформация бурятских слов: *гура́н* 'дикий козел, самец козуля', *гура́нчик/гуранёнок* 'детеныш гурана', *гура́ний* 'относящий к гурану', *гурани́на* 'мясо гурана', 'шкура гурана', *гурани́ха* 'самка гурана' – из бурятского *гураа(н)* 'дикий козел' [18, с. 176]; *буру́н/буру́нчик/бурушо́к* 'теленок второго года жизни' – из бурятского *буруу(н)* 'теленок до года' [Там же, с. 126]; *има́н* 'домашний козел', *иману́ха* 'домашняя коза', *иманёнок* 'детеныш домашней козы', *иманий* 'козий' – из бурятского *ямаа(н)* 'коза' [Там же, с. 799]; *куца́н* 'некастрированный баран', *куца́нчик* 'ягненок' – из бурятского *хуса* 'баран-производитель' [Там же, с. 604] и др. Отсутствие в русских говорах однословных наименований реалий делает предпочтительным употребление бурятизмов: *двухгодовальи́й теленок* – *буру́н, дикий лук или чеснок* – *манди́р/манги́р, боль в суставах и мышцах* – *ху́йн* и т.п. В результате влияния бурятского языка в говорах семейских возникли избыточные семантические варианты: *дага́н* 'двухлетний жеребенок' – из бурятского *даага(н)* 'жеребенок по второму, третьему году' [1, с. 176] (ср. сев.-рус. *лоньи́ак* – то же значение [10, с. 129]), *барахча́н* 'однолетний теленок' – из бурятского *барахчаа(н)* 'теленок первого года' [1, с. 23] (ср. сев.-рус. *селёток* 'домашнее животное (обычно жеребенок или теленок) в возрасте до одного года' [11, с. 133]).

Отметим, что в старообрядческих говорах Амурской области заимствований из бурятского языка меньше, чем в говорах семейских Забайкалья [4, с. 125-127], что обусловлено отсутствием постоянных контактов с бурятским населением и иными природно-климатическими условиями Приамурья по сравнению с Забайкальем.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее заметный пласт лексики, образованной на основе заимствований из бурятского языка, зафиксирован в селах Новоандреевка и Ключи Белогорского района. В селах же Архаринского и Свободненского районов преобладает лексика, образованная на основе заимствований из белорусского и украинского языков. При этом в сознании говорящих практически не имеет места дифференциация по языковой принадлежности слова, что указывает на полную адаптацию такой лексики к системе говора и непрерывный процесс пополнения словаря старообрядцев за счет восточнославянских заимствований.

Так, украинским влиянием можно объяснить наличие лексемы *суха́рить* в значении 'дружить с парнем, ходить с женихом' [16, с. 627] («Пошли с ребятами сухарить» [14, с. 53]); лексем *цибу́ля* – 'лук' [16, с. 668], *кужли́нки* – 'конопляные очески' (укр. *кужиль, кужели́на* [16, с. 297]); *чибуха́ть* – 'толочь семена конопли,

подсолнечника для получения масла' [Там же, с. 676] («*Семя конопля в ступке чибухали*» [14, с. 23]). Последние две лексемы имеют распространение только в говоре с. Заган. Слова *печеріца* (укр. *печеріца*) [16, с. 445], *печёрка*, *пичурица*, *бечурика*, *бечерика*, *бечеріца* употребляются в значении «шампиньоны».

Воздействие белорусского языка (или его диалектов) на говоры семейских с. Заган подтверждается наличием лексем *драчёны* «картофельные оладьи» [8, с. 170]; *ба́хонь* – «буханка хлеба» [Там же, с. 21], *луста/лусточка* «отрезанный ломоть хлеба» [Там же, с. 309], *водянка* «кадушка» [Там же, с. 111], *мако́тра/макітра* «узкий глиняный горшок» [Там же, с. 313], *кожа́н* «летучая мышь» [Там же, с. 282], *бу́льба* «картофель» [Там же, с. 46]. В активном словарном запасе говора активно функционируют производные лексемы *бульбе́шки* «семена картофеля», *бульбе́шник* «ботва картофеля», *бульбе́шня* «поджаренная толченая картошка». От украинского *громадіти* «сгребать сено» [16, с. 139] образованы производные *громаді́льщик*, *громаді́льщица*. «Наличие производных слов, которые созданы по законам русского словообразования от основ, заимствованных из украинского и других языков, – свидетельство их полной лексической и грамматической адаптации в русских говорах» [2, с. 16].

Таким образом, словарный состав анализируемых говоров демонстрирует их диалектную неоднородность. В говорах семейских «появляются процессы, характерные для переходных диалектных зон: активизация образования синонимов и межговорных соответствий, трансформация семантической структуры лексем, изменение формальной структуры слова. <...> Этноязыковая основа и типологические черты материнских говоров ярко выражены в явлениях гиперкоррекции, образовании синонимических рядов, вариативности, отсутствии реализации сем или семантических смещений» [5, с. 92]. Изменения в словарном составе русских старообрядческих говоров, находящихся в контактировании с другими языками и диалектными системами, определяются рядом факторов как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, главным из которых представляется степень языковой близости взаимодействующих диалектных систем.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.: Наука, 2000. 772 с.
2. Бараник Л. Ф. Наблюдения над лексикой русских говоров юга Украины // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: тезисы докладов международной конференции (19-21 октября 2009 г.) М.: ИРЯ РАН, 2009. С. 14-16.
3. Картотека «Словаря старообрядческих говоров Амурской области». Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета.
4. Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Бурят. научн. центр СО РАН, 2006. 166 с.
5. Кукса Т. П. Русско-украинская межъязыковая интерференция в украинских говорах Крыма (на материалах сельскохозяйственной лексики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. I. С. 91-94.
6. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900-1902 гг. Благовещенск: Зей, 1903. 46 с.
7. Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2005. 31 с.
8. Расійска-беларускі слоўнік / укладальнікі М. Байкоў, С. Некрашэвіч. Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1928. 706 с.
9. Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1920. 81 с.
10. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1981. Вып. 17. Лесокаменный – масленичать. 385 с.
11. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2003. Вып. 37. Свято – скимяга. 416 с.
12. Старообрядческий архив диалектных текстов. Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Дневник 15. 2001-2010 гг. 64 с.
13. Старообрядческий архив диалектных текстов. Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Дневник 16. 2001-2010 гг. 39 с.
14. Старообрядческий архив диалектных текстов. Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Дневник 300: в 2-х ч. 2001-2010 гг. Ч. I. 93 с.
15. Старообрядческий архив диалектных текстов. Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Дневник 300: в 2-х ч. 2001-2010 гг. Ч. II. 78 с.
16. Українсько-російський словник. Київ: Довіра, 2003. 703 с.
17. Шемчук Ю. М. Заимствование как проявление гетерогенности и следствие лингвотолерантности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. I. С. 213-215.
18. Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1951. 852 с.

DIALECTS OF OLD BELIEVERS – SEMEISKIE IN AMUR REGION: ON QUESTION OF LEXICAL STRUCTURE HETEROGENEITY

Arkhipova Nina Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Amur State University
charli71@mail.ru

The article considers some features of the vocabulary structure of Old Believers' (Semeiskie) dialects in Amur region, conditioned by a number of factors of both linguistic and extralinguistic nature, the main of which is the closeness degree of interacting dialect systems. There are several layers of vocabulary, different in origin: common Slavic, common Siberian, borrowed and local, and typical mainly to Semeiskie dialects. The author pays special attention to the dialectal differences in vocabulary in Old Believers' different dialects within the different territories of Amur Region.

Key words and phrases: Old Believers; Semeiskie; resettlement dialects; vocabulary; synonyms; heterogeneity of lexical structure.